

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

На этой неделе издательство «Аграф» получает из типографии тираж еще ни разу не публиковавшейся автобиографии Рудольфа Нуреева, человека, ставшего легендой еще при жизни. Специально для наших читателей - фрагменты из воспоминаний одного из лучших танцовщиков века

Игрушечный паровозик

(...) В тот день счастье оказалось на моей стороне. Что же это был за день? Очень странно: я могу без малейшего колебания назвать час первого появления на сцене Кировского театра, но мне всегда приходится прилагать усилия, чтобы назвать день, когда в моей жизни произошел крутой поворот. А случилось это 17 июня в аэропорту Ле Бурже (...)

На летном поле к маленькой дверце, известной только пилотам, подъехала машина. Вскоре я катил по той же дороге, по которой приехал пару часов назад. Но я уже не был прежним. Я стал свободен. Я вступал в новую жизнь почти таким же нагим, как родился. Багаж улетел в Лондон. В нем остались мои самые дорогие сокровища: коллекция балетных туфель и трико, парик, который я заказал в Париже для партии Альберта в «Жизели». Этот парик был такой белокурый, кудрявый и романтический, что я в шутку называл его «Мэрилин Монро». А больше всего было жаль первой покупки в Париже - прекрасного электрического игрушечного поезда, символа моего восхищения железной дорогой, поездами, окутанными дымом вокзалов и связанного с ним манящего обещания далеких горизонтов и тайн иной жизни.

Я появился на свет под стук колес

Укачивающий стук колес, свист и грохот быстро бегущих локомотивов столь дороги моему сердцу по еще более глубокой причине. Ибо я появился на свет под звуки нервной, дребезжащей колыбельной, какую поет поезд.

Я на самом деле родился в поезде - 17 марта 1938 года. В тот момент поезд мчался вдоль берегов озера Байкал, неподалеку от Иркутска. Мать ехала к отцу, служившему во Владивостоке.

Рудольф Нуреев с Мишель Филиппс в фильме «Валентино».

Рудольф НУРЕЕВ: *Каше. правда. - 1998. - 3 июля. - с. 5.*

Я начал новую жизнь таким же нагим, как родился

Отец, которого я почти не знал до окончания войны, в те дни был политруком. Он был прикомандирован к артиллерийскому дивизиону, и до начала войны судьба нашей семьи зависела от его перемещений.

В поезде вместе с матерью ехали три мои сестры: Роза, Розиди и Лида. Мои родители предпочитали выразительные, звучные, музыкальные имена. Моя любимая сестра Роза бегала по коридору поезда в тот момент, когда я родился. Услышав первый крик брата, она пришла в такой восторг от моего громкого голоса, что застыла в радостном изумлении и не заметила, как какой-то пассажир открыл дверь и прищемил ей пальцы. Она часто, шутя, показывала мне шрам, который напоминал ей о моем рождении лучше любого календаря (...)

Примерно лет с восьми я был одержим балетом. Помимо танца - или скорее в связи с ним - я очень хотел научиться играть на фортепиано. Когда я сказал об этом отцу, он ответил: «Но, Руди, это же не интересно. Да и научиться играть очень трудно. Куда полезнее уметь играть на аккордеоне или губной гармошке. С аккордеоном ты всегда будешь желанным гостем на вечеринках - его всюду можно взять с собой. А пианино... его не потащить на спине. Да и не всем оно нравится...»

В школе я был побирушкой

Я очень живо помню свой первый день в приготовительной группе. Мы тогда настолько нуждались, что у меня не было подходящей одежды - пальто, бо-

тинок - ничего, что придало бы мне вид нормального ребенка. Матери пришлось отнести меня в школу на спине, и я остро, болезненно ощущал дикость этой ситуации. Я был гордым мальчиком, и столь унижительная бедность причиняла мне подлинные душевные муки. В тот первый день мать надела на меня пальто сестры Лиды, а ничто не способно заставить шестилетнего малыша так страдать, как одежда его сестры. В девчачьем пальто я чувствовал себя как клоун.

Как только дети увидели меня, они хором запели по-татарски: «У нас в классе побирушка, у нас в классе побирушка». Дома я спросил мать, что означали слова детей. Она покраснела и сказала, чтобы я не обращал внимания. Но в конце концов объяснила, что слово «побирушка» означает «нищий» (...)

Мне казалось, что некоторые дети очень богаты. Позднее я понял, что считал их очень богатыми лишь потому, что они всегда были сыты.

Шпики ходили за мной по пятам

В конце недели я подписал официальный контракт. Потом познакомился со своими будущими партнершами и приступил к репетициям в небольшой, взятой в аренду студии рядом с залом Плейель. Однако Ларрену начали звонить анонимы и оскорблять его за то, что «пригрозил меня» в своей труппе, а я сам в первый же день как вышел на улицу, узнал двух мужчин, начавших слежку за мной, - это были гбэшники, которых я уже видел в аэропорту.

В связи с такой тревожной обстановкой Ларрен, когда подошло время настоящих репетиций со всей труппой в Театре на Елисейских полях, нанял двух частных детективов, которые всюду сопровождали меня. И так, я жил под постоянным надзором, отлучаясь из квартиры только для занятий в классе, репетиций и обеда рядом с театром. Вместе с тем я жил теперь во Франции и надеялся, что наконец волен танцевать, где хочу и что хочу. Однако чего-то не хватало. Не хочу показаться слишком критичным по отношению к французам, но я искренне считаю, что у здешних артистов и публики не в обычае отдаваться друг другу с полным самозабвением (...)

У меня есть одно строгое правило, которое всегда уважали в Кировском, - перед выступлением меня никто не должен беспокоить. Я не принимаю друзей, не читаю газет. Я ощущаю потребность уйти в себя, максимально сосредоточиться, жить только внут-

- ♦ Рудольф Нуреев родился 17 марта 1938 года, танцевать начал с семи лет;
- ♦ после эмиграции над Нуреевым в Ленинграде прошел суд: за измену Родине он был заочно приговорен к семи годам тюрьмы с конфискацией имущества;
- ♦ в 1964-м танцовщик попадает в Книгу рекордов Гиннеса: в Вене, после исполнения партии в «Лебедином озере», его вызывали на сцену 89 раз;
- ♦ с 1985-го Рудольф Нуреев - художественный руководитель парижского «Гранд-Опера»;
- ♦ Рудольф Нуреев умер от СПИДа в 1993 году, так и не добившись прощения у своей матери. Все его имущество, включая купленный танцовщиком за 40 млн. долларов остров недалеко от Капри, пошло «с молотка».

ренной жизнью. Ларрен игнорировал эту мою способность (...)

В тот вечер, когда мне предстояло танцевать Голубую Птицу, спокойствие, столь необходимое мне, было вновь нарушено. Ко мне пришла корреспондентка и стала задавать дурацкие вопросы, не имевшие никакого отношения к балету. Обращаясь ко мне, она называла меня «прекрасный Руди», говорила о «сладкой жизни» и несла всякий вздор. Кроме того, она привела с собой фотографа, который передал мне три конверта из советского посольства - с телеграммой от матери, письмом от отца и письмом от Пушкина. Это были первые новости из дома после решения остаться в Европе. Я страшно разволновался (...)

В коротком письме от отца говорилось следующее: он не может заставить себя поверить, что его сын предал свою родину, и моему поступку нет никакого оправдания. «Вернись домой, - молила телеграмма матери, - вернись домой».

Я чувствовал, как слова родителей разрывают меня на части. Им, очевидно, внушили, что, оставаясь в Европе, я разрушал свою карьеру. Я ощущаю, что они искренне хотят, чтобы я вернулся, и в то же время добиваются этого по чужому наущению.

Не успел я выйти на сцену, полный решимости вложить всю душу и разум в свой танец, как раздался крик и свист, почти заглушившие музыку Чайковского. Я танцевал танец Голубой Птицы, а за огнями рампы в темном партере зрительного зала шла политическая манифестация.

Бессмысленно задавать мне вопросы о политике и идеологии. Остаться на Западе я решил не по политическим причинам, а по соображениям личного характера. Превыше всего я ценю веру в свои силы и личную независимость. Без них я не мог бы уважать себя. Вот и все.

Публикацию подготовил
Борис ВОЙЦЕХОВСКИЙ.

Автобиография Нуреева - книжная новинка этой недели.

Главное богатство «побирушки» - его свобода...